

Екатерина Кислова

Церковь и светское общество в середине - второй половине XVIII в.: культурно-языковые аспекты взаимодействия

Считается, что именно в 18 веке духовенство окончательно сформировалось как особое сословие – во всей полноте его культурно-идеологической специфики. Общим местом в исторических трудах историков и историков церкви 19-20 веков стало признание разобщенности духовенства и светских кругов, ставшее результатом Петровской секуляризации русской культуры.

Действительно, выходцы из дворян крайне редко выбирали духовное поприще – в отличие от Западной Европы. Создание системы духовного образования закрепило связь «духовное сословие – духовное образование – церковная карьера»: хотя семинарии до конца 18 века имели право принимать лиц всех неподатных сословий, основную массу учеников составляли именно дети духовенства. Исключением были Харьковский коллегиум, где по самой жалованной грамоте о его учреждении предполагалось учить «всякого народа и звания детей православных» (Титлинов: 389), в том числе в Харьковском коллегиуме нередко обучались дети местных дворян (Смолич 2: 90). К тому же типу учебных заведений относились Черниговский коллегиум и Киевская академия, в которых ученики «из духовенства» в конце 1730х годов составляли меньшинство: Чернигов: 1736 год – 253 ученика, из них из детей духовенства – 78; 1739 г. – 202 ученика, из них из детей духовенства – 67. Киев: 1738 год – 444 ученика, из них 92 из детей духовенства. Очевидно, мы имеем дело с сохранявшейся по крайней мере до середины 18 века иной – украинской / юго-западно-русской - традицией духовных учебных заведений – более общеобразовательной, нежели специфически сословной и профессиональной. В семинариях и духовных академиях России сословный принцип с самого основания выдерживался более жестко, единичные дворяне и купеческие дети, по каким-то причинам выбравшие духовное поприще, воспринимались как исключения.

Европейские путешественники в России 18 века в своих мемуарах регулярно подчеркивают разобщение между дворянством и духовенством. Например, Уильям Кокс пишет: «...during the five months we passed at Petersburg, and in our daily intercourse with the nobility and gentry, I never once saw in company a single person of the sacred profession. It must be allowed, indeed, that the parith-priests are, for the most part, too low and ignorant to be qualified for admission into genteel societies; while the dignitaries, being a separate order, and restrained by strict regulations, reside chiefly in their palaces within the monasteries; and contact an aversion, perhaps an unfitness, for social intercourse»¹. Ученое монашество, архиереи, также редко входили в светское общество; например, об этом вспоминает Е.П.Янькова: «В то время [в начале 19 в.] вообще как-то нечасто езжали к архиереям: сами ли они были чересчур недоступны, или светские люди не очень домогались втираться в дом к архиереям, только к ним мало езжали и не докучали им, как потом это завелось в Москве... Да и архиереи мало посещали нашу братию, за исключением городских должностных сановников или каких-нибудь особенно сановных особ. Но в губерниях архиереи больше имели общения с дворянством...»².

Подобное отделение церковных кругов от светских воспринималось скорее как норма, и наоборот, слишком тесные контакты архиерея со светскими кругами и слишком активная его вовлеченность в светскую жизнь в некоторых случаях могли быть «поставлены на вид»: «...Дамаскин [Семенов-Руднев] через 10 лет не мог возвыситься выше сана епископского <...> Указывали на то, что Дамаскин, будучи от природы

¹ William Coxe. *Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark*. In 5 vol. V. 3. London, 1802, 145.

² *Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово* (ed. Т.И.Орнатская). Москва: Либроком, 2013, 240.

веселого характера, любил иногда находить утешение в собраниях и развлечениях светских людей, что подавало повод к суетным разглашениям, которые, думают, и были причиною неблагоприятного мнения о преосвященном в высших сферах» (Нижегор. губерн. ведомости. 1849. № 9. ч. неоф. с. 35).

Что касается рядовых приходских священников, то их статус в обществе оценивался дворянами несопоставимо ниже, чем уровень архиереев; те же мемуары Янковой и другие тексты конца 18 – начала 19 века фиксируют образ попа как человека малообразованного, малограмотного, не имеющего достаточного образования и по социальному статусу находящегося чуть выше крепостных крестьян. Причины этого – экономическая зависимость приходских священников от дворян: именно помещик выделял землю приходскому священнику (Смолич 1).

Какие же существовали пути взаимодействия светской и церковной среды, так ли разобщены они были в культурном плане? Далее мы рассмотрим некоторые культурно-языковые аспекты взаимодействия светского общества (в первую очередь - двора и образованного дворянства) и русской православной церкви.

1. Важным представляется круг литературного взаимодействия церковной и светской среды. Разделение литературы на светскую и духовную является, видимо, явлением уже первой половины 19 века, когда церковь подчеркнута стремится обособить особый тип церковной культуры. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н.И.Новиков называет наряду с писателями светскими и наиболее известных и популярных проповедников (Лазаря Барановича, Димитрия Сеченова, Гедеоны Криновского Амвросия Зертис-Каменского). Именно проповедь становится текстом, созданным в рамках церковной среды, но предназначенной среде светской, поэтому ожидаемо это наиболее популярный церковный жанр духовной литературы. С развитием частных типографий проповеди начинают активно публиковаться в гражданской орфографии и с 1750х гг. их язык становится уже не гибридным церковнославянским, а русским языком с вкраплением отдельных церковнославянизмов (штампов, устойчивых оборотов и т.д.) – (см. Живов). С началом активного издания проповедей этот жанр оказывается оторван от контекста богослужения и, следовательно, начинает восприниматься как художественный текст, поэтому светское общество предъявляет к нему те же эстетические критерии оценки, что и к художественным произведениям светского характера (см. оценки проповедников у Новикова: «В сочинениях его слог чист, важен и приятен, мысли велики, изображения сильны и ясны, слова же изрядны; и он по справедливости почитается одним из лучших, первейших и великих проповедников» – о Гаврииле Петрове; «Вообще же в сочинениях его слог чист и приятен, мысли избранные, изображения сильны и поражающи; чего ради и почитается он у нас красноречивейшим и в числе наилучших наших проповедников. Притом же имеет он особенное от прочих дарование сказывать свои проповеди приятно и с таким пленяющим искусством, что всегда и всех слушателей преклоняет к своему намерению» – о Платоне Левшине).

Проповеди использовались в качестве текстов для чтения не только средними слоями населения (образованными купцами и духовенством), но и дворянами. Так, в библиотеке Державина содержится многотомное издание проповедей Платона Левшина с пометами Державина на полях.

Было ли знакомо духовенство с новинками и классическими текстами светской литературы?

В первой половине 18 века курс риторики в семинариях был исключительно латинским и строился на анализе латинских образцов. Тем не менее, отдельные проповедники в текстах проповедей демонстрируют вполне прозрачные аллюзии на известные им и актуальные произведения светских авторов придворного круга.

Интересным примером является следующая аллюзия из проповеди Симона Тодорского на бракосочетание великого князя Петра Федоровича (1745 г.): «Мощно

воистинну и о Великой Екатерине то рещи, еже иногда о Великом Петре речено бысть, яко аще бы Монархия сия родилася была во время языческаго безбожнаго многобожия, по своему суеверию возмнели бы некую от богинь своих во плоти человечестей явившуюся». Одним из наиболее ранних примеров подобной схемы обожествления монарха является строфа из «Оды на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург» М.В.Ломоносова (1742): Когда бы древни веки знали / Твою щедроту с красотой, / Тогда бы жертвой почитали / Прекрасный в храме образ твой». Однако более близким по формам является строфа из «Оды на государя Петра Великого»

А.П.Сумарокова:

Не удобно в христианстве
Почитать Богами тварь,
Но когда б еще в поганстве
Таковой явился царь,
Только б слава разнеслася,
Вся б вселенна потряслася
От его пречудных дел:
Слава неумолкным рогом
Не царем гласила – богом
Мужа, что на трон восшел.

Интересно, что эта ода сохранилась в рукописи 1755 года, однако сам автор в 1747 г. датировал ее как написанную в 1743-1744 гг. То есть косвенным образом проповедь Тодорского подтверждает не только распространенность данной схемы в придворной культуре, но и тот факт, что сам Тодорский был неплохо знаком с современной ему светской литературой (в случае с одой Сумарокова – существующей в рукописной традиции).

Задача знакомить учеников семинарий с образцами русской литературы была поставлена только во время правления Екатерины II; в курсе риторики, первоначально ориентированной на латинские образцы и язык, вместе с задачами обучать «риторическим красотам» на родном языке появились и «образцовые авторы». Ученики семинарий изучали, заучивали и переписывали в качестве образцов для собственных сочинений стихотворения и речи Ломоносова, Державина, Сумарокова, Тредиаковского и других авторов, причем создавались как полные копии собраний сочинений, так и сборники выписок с определенной целью (см. Сборник Иосифа Тодорского, ученика Вологодской семинарии, в котором наряду с переписанными стихотворениями Ломоносова представлены его собственные стихи, созданные по образцам). Причем из од Ломоносова большей популярностью пользуются даже не стихотворные предложения псалмов, а оды похвальные, которые в рукописных сборниках встречаются чаще (и полностью, и фрагментарно).

Таким образом, можно говорить о некотором взаимовлиянии светской и духовной литературы во второй половине 18 века.

Отдельно нужно оценивать общность и специфику литературы на иностранных языках, которая использовалась в семинариях при обучении французскому и немецкому.

Со 2 половины 18 века идет активное распространение преподавания европейских языков в семинариях. Ученики семинарий не имеют специальных учебников, для обучения используются грамматики, изданные для обучения учеников в светских учебных заведениях (грамматики Пеплие, Ресто, Голтергофа, Готшеда, Соколовского и др.). В качестве текстов для чтения в семинариях использовались наряду со светскими текстами также тексты проповедей французских и немецких богословов, некоторые богословские трактаты и рассуждения. Если комплектованием библиотеки при семинарии специально занимались, то обеспечение учебной литературой в семинариях бывало хорошим. Так, в Смоленской семинарии в 1802 г. в библиотеке было 40 немецких и 39 французских книг

(при общем числе книг около 2000 – см. Сперанский 1892, 113-114); епископ Дамаскин (Семенов-Руднев) лично выписывал необходимые книги из Германии для библиотеки Нижегородской семинарии³.

При этом светская направленность обучения французскому языку по используемым текстам гораздо ярче выражена, чем в случае с немецким. Так, из французской литературы для чтения и перевода чаще всего использовались различные произведения детской литературы, французские сборники и альманахи разнообразного содержания, а также «Телемак» Фенелона.

Однако наряду с ними студенты семинарий читали проповеди и речи Массильона, Боссюэ, Сореня (причем именно эти авторы признавались образцовыми и светскими кругами – см. отзыв Карамзина о посещении Троице-Сергиевой лавры). Будучи учителем Воронежской семинарии, Евгений Болховитинов по поручению еп. Иннокентия ездил в Москву специально для покупки книг на французском языке, причем в том числе - французской «Энциклопедии», «Исторического и критического словаря» Бейля и сочинений Вольтера (Шмурло: 106); в «Рассуждении о надобности греческого языка» (прочитано 13 июля 1793 г.) Болховитинов прямо делает ссылку на 67 том сочинений Вольтера, а под его руководством студенты семинарии, изучающие французский, переводят книгу Claude François Nonnotte, “Les Erreurs de Voltaire” (1762).

Для обучения немецкому языку использовались почти исключительно тексты лютеранских проповедников и богословов (Иоганна Арндта, Геллерта), а также духовные произведения поэтов и писателей (Клопштока, Лессинга и др.) Изучение немецкого языка было в большей степени ориентировано на церковную среду; если поэты и писатели типа Лессинга и Клопштока были известны и в светской среде (так, в юности переводами Клопштока занимался Карамзин), то немецкие богословы и проповедники были менее известны светскому обществу в России (отметим, что в Германии ситуация была иной).

Студенты семинарий, показавшие особые успехи в изучении иностранных языков, могли быть направлены для усовершенствования в языках в Московский университет (правда, подобная практика вызывала опасения у руководства семинарий: такие студенты нередко использовали шанс «выйти в светское состояние» через обучение в Университете).

Однако французский и немецкий языки в семинариях оставались уделом студентов, дошедших до старших классов (не ниже риторики, чаще – философии и богословия), поэтому освоение набора базовых для светской культуры текстов на иностранных языках было связано с меньшей частью выпускников семинарий (из которых существенная часть выходила «в светское состояние», т.е. становилась чиновниками, переводчиками, преподавателями в университете и т.д.).

Параллельно возникает проблема бытования базовых религиозных текстов в светской среде, вопрос о знакомстве рядового дворянина с определенным набором церковных текстов и вопрос о преподавании церковнославянского языка в рамках светского образования.

В течение 18 и даже 19 веков обучение чтению детей крестьян, мещан и купцов чаще всего шло по Псалтыри и Часослову (см. Кравецкий; Успенский). Соответственно, дети заучивали склады и буквы и обучались чтению церковнославянского шрифта, заучивая одновременно и формы церковнославянского языка. Отдельное преподавание церковнославянского языка не требовалось, обучение было традиционным – таким, как оно было все предыдущие века. Грамматики церковнославянского, которые появлялись с 17 века, были связаны с Юго-Западной Русью (Украиной)⁴ и на территории Московской

³ Горожанский, Дамаскин, 234.

⁴ Культурно-политическая ситуация на Украине этого периода как раз требовала создания грамматик для обучения церковнославянскому языку учащихся братских школ – см. Успенский; Кузьмина.

Руси предназначались в полном виде исключительно для справщиков Московской типографии (см. Кузьминова); в общем пользовании в рукописных копиях распространялись преимущественно фрагменты грамматик, связанные с орфографическими правилами и распределением дублетных букв и надстрочных знаков. Рядовому носителю языка на церковнославянском приходилось в первую очередь слушать и читать (причем ограниченный круг текстов), но не писать и не говорить, поэтому у «массового пользователя» необходимости в грамматиках, обучающих создавать текст на церковнославянском, не возникало.

Со 2 половины 18 века, с распространением преподавания в школах русского языка, именно с обучения русскому языку и чтению гражданского шрифта начинается обучение детей дворян. Соответственно, дети дворян больше не начинают свое обучение с Псалтыри и Часослова и с текстов на церковнославянском языке. С развитием светского образования необходимо было организовать преподавание Закона Божьего в светских учебных заведениях; соответственно, хотя бы теоретически оно должно было включать основы церковнославянского языка – хотя бы на уровне чтения церковнославянского шрифта.

В школах Петровского периода, предназначенных для детей приказных и дворян («цифирные школы» и под.), отдельного преподавания основ православной религии, судя по сохранившимся данным, не было. В Академической гимназии при Академии наук преподавание закона Божьего до 1748 г. было нерегулярным; регулярным оно стало только с 1774 г., причем обучение, скорее всего, сводилось к изучению катехизиса (Смолич 2: 88). В Шляхетском корпусе до второго устава (т.е. до 1766 г.) Закон божий как предмет не упоминается, только в уставе Бецкого есть упоминание о «священной истории». В гимназиях при Московском университете в программе «богословские науки» присутствовали, выражалось это в посещении богослужений и слушании катехизических поучений (Толстой; Розанов). В Казанской гимназии (1758), наоборот, по воспоминаниям Г.Р.Державина, в библиотеке находились преимущественно духовные книги, и ученики «книг, кроме духовных, почти никаких не читали»; однако информации о чтении книг на церковнославянском или о его преподавании нет. Единственное исключение – уже в конце 18 века в Московском благородном пансионе под руководством А.А.Прокоповича-Антонского (выпускника Киевской и Московской духовных академий) обязательным было не только посещение богослужений, но и особые уроки чтения Св.Писания с пояснениями преподавателя (Демков).

В 1743 г. по инициативе Синода от дворянской молодежи, поступающей на службу, начинают законодательно требовать знания катехизиса, однако это не было равнозначно умению читать по-церковнославянски. Другой мерой по усилению преподавания православия была проверка в 1785 г. частных учебных заведений, принадлежащих иностранцам: в результате было установлено, что из 9 проверенных пансионеров в 3 ученики не знали даже важнейших молитв. С этого момента в пансионерах преподавание закона Божьего как обязательного предмета стараются контролировать (Розанов, Демков).

В 1786 появляется Устав для народных училищ, в котором впервые регламентируется преподавание Закона Божьего в светских учебных заведениях: в первых двух классах преподавались катехизис и священная история; только в третьем классе главных училищ (т.е. училищ, находящихся в губернских городах) ученики читали Евангелия с пояснениями (Демков; Смолич 2: 92).

Только в 19 веке в гимназиях шире вводится чтение текстов на церковнославянском языке, при том, что ориентация приходских школ на церковнославянские тексты (Часослов и Псалтырь) подчеркивается еще в указах середины 19 века.

Таким образом, к концу 18 века в светской среде почти полностью уходит знание церковнославянского языка; показательно, что Третьяковский и Ломоносов, получившие начальное образование в духовных учебных заведениях, сохраняют знание

церковнославянского языка, тогда как Сумароков, получивший светское образование (домашнее + Сухопутный шляхетный корпус), вызывал насмешки оппонентов ошибками, которые он делал именно в употреблении церковнославянских слов («седалище»). Даже в середине 19 века дворянству легче читать Св.Писание по-французски, нежели на церковнославянском (см. Достоевский).

Разным было отношение и к русскому языку: в то время как в светских учебных заведениях он активно вводился (особенно во время правления Екатерины), в семинариях его введение в качестве языка обучения вместо латыни наталкивается на сопротивление церковных иерархов. Русский язык приветствуется и допускается при обучении «светским предметам» (географии, арифметике и т.д.), Платон Левшин призывает усиливать его преподавание в рамках риторики и поэтики, однако категорически отвергает возможность перейти в преподавании философии и богословия с латыни на русский. Русский язык в семинариях усиливается как раз под влиянием светских моделей образования и процессов, проходящих в светской среде.